

Неоднозначное отношение?

«Может быть, ты не подчитывал, но ведь я из двадцати с лишним лет работы в советском кино — около 17-ти был безнадежно безработным. Госкино не хотело, чтобы я работал!»

(Из письма Андрея Тарковского отцу. Опубликовано в сборнике «Экран-89»)

И ТАК, в «Советской культуре» (9 и 11.09 за 1989 год) опубликованы воспоминания Ф. Ермаша о том, как отплатил ему за «добро» Андрей Тарковский. Это — «своя трактовка событий». Редакция уверена, что заметки «вызовут интерес и наверняка неоднозначное отношение». Вызвали — то давнее чувство бессилия, которое я обещала себе запомнить, когда пыталась хоть что-то сделать, но ничего сделать не могла... Фальсификация истории прохождения к зрителю «Зеркала», фальсификация истории заявки на фильм «Идиот» по Достоевскому и, наконец, фальсификация якобы давнишней нашей просьбы с режиссером Али Хамраевым (у него хранится давнее письмо буквально бедствовавшего тогда А. Тарковского с просьбой о помощи, со словами: «Ты знаешь, Ермаш не дает мне работать») на Ташкентском кинофестивале дать Тарковскому поработать за границей — не было этого! — заставляют меня сомневаться и во всем остальном, что есть в обширных «мемуарах» бывшего главного начальника нашего кино.

Из письма философа и литератора Вадима Смуратовского, написанного мне сразу после события: «Киев, 11.09.89. ...Но ведь как много тогда зависело от Ермаша! Бог мой, а твой функциональный слоник, в твою чиновничью поле попадает самая редкая птица, красивейший пересмешник, залетает, «нан некий райский гость». И все это замечается пытошным самцом, медленным, в двадцать лет, поджариваемым на ведьмином огне. Я понимаю всю наивность своего возмущения, понимаю все социологически, политически, но тем не менее не перестаю удивляться. Ведь после «Зеркала» на экране могли появиться чудеса... скажем, хотя бы в «Идиоте». Может быть, не очень деликатно обращаться к адресу с предположением, что с ним могло бы произойти, с предположением о возможном его шансе, но — каной Мариной Мишиной были бы Вы в «Борисе Годунове», Лизой или Лебдиной в «Бесах»? И так далее».

Не в мечтах о Марине Мишиной и Лебдиной, а в ужасе от безнадежно уходящей от меня возможности сыграть Настасью Филипповну бежала я на прием к Ермашу, чтобы понять, почему нельзя экранизировать Достоевского. Да еще Тарковскому! И — выслушала... «несвоевременно и в ближайшие два года будет несвоевременно». 75—76-й годы... Фильм должен состоять из двух частей — одна история глазами Мышкина, потом та же история, рассказанная Рогожиным. — какое потрясающее кино потеряла мировая кинематография, можно ли это было пережить!... Но мы пережили потом и не такое, а в 86-м году — и смерть Тарковского (в то же время в Москве ушел с должности Ермаш, по роковому совпадению, каких много было в жизни Андрея Арсеньевича).

А тогда — муки бесконечных сдач «Зеркала» с формулировками «это непонятно, никому не нужно». Каннский фестиваль в этот год просил «Зеркало» и на следующий год (чего практически не бывает), обещая: «Мы гарантируем вам Гран-при», — лично Ермаш не пускает. Муки съемок «Сталкера», как говорил мне Андрей Тарковский: «Я думал сделать фильм быстро, пока не разрешили «Идиота», но забыл, что быстро мне ничего не дается...» Он, например, хотел экранизировать историю Понтия Пилата из «Мастера и Маргариты» Булгакова, а Илья Авербах мечтал снимать московские фантазматории Воланда — вот был бы эксперимент! И экранизировать «Гамлета» хотел Андрей Арсеньевич после того, как поставил его в Театре имени Ленинского комсомола и я сыграла там Гертруду. Много чего хотел еще сделать с нами Андрей Тарковский и говорил, что за границей все есть, кроме наших актеров...

Замученный окончательно (а эта пушкинская сверхъестественность его писем и записок, которые так опометчиво опубликовал Ермаш, в том, от кого зависела его работа — жизнь!), А. Тарковский принимает решение поставить у итальянцев «Ностальгию».

Теперь о продолжении моей актерской судьбы. После участия в многочисленных совместных фильмах — «Бегущая по волнам» (сов.-болг.), «Москва — любовь моя» (сов.-япон.), «Мама, я жив» (немец.), «Синяя птица» (сов.-амер.) и т. д. — я еду с официальной делегацией на премьеру «Синей птицы» в Америку (знала бы я, чем для меня обернутся эти четыре дня!). Не выказав должного подобоострастия Ф. Ермашу, я с этого рокового для меня 78-го чувствую невкусную «переману участия». Снимают меня чуть ли не с самолета при отъезде делегации в Голландию — я должна была представлять там «Зеркало», зато не снимают на центральных студиях даже утвержденную на роль, на какие-либо международные заявки на меня налагается негласное табу. Однажды знающий русский язык К. Занусси звонит мне и зовет на съемки в Польшу, а

нула в бумажках и лживых уверениях, что это кому-то нужно.

Я пыталась протестовать, описывая свою судьбу в письмах Зимянину в ЦК, Демичеву в Министерство культуры — бесполезно, и даже вроде того, что мне все мерещится. А от хорошей ли жизни так рано ушли от нас В. Шукшин, В. Высоцкий, А. Соколов, О. Даль, В. Дворжешкий, И. Извицкий?.. Знала я и погибших Сашу Боярского и Володю Сигова из Риги — прекраснейших актеров, а по всей стране сколько их было?

И вот юбилейная кинопанорама, август 89-го. День кино, и сияющий Ермаш, появившись на экране, объявляет, что всегда любил фильм «Андрей Рублев» Тарковского, введя в шои людей, умеющих связывать факты. С 1972 года все переломанные актерские судьбы, мелькнувшие в той же праздничной кинопанораме, были непосредственно в руках этого человека

● Андрей ТАРКОВСКИЙ и Маргарита ТЕРЕХОВА.

Фотография середины 70-х годов.

через некоторое время звонок откуда же мне объяснил, что они не смогли преодолеть все бюрократические препятствия, которые им поставили... «А что вы так рветесь туда, Маргарита?» — это слова Ф. Ермаша. Прячущиеся друг за друга чиновники из «Совинфильма»: «Только не ссылайтесь на меня, только не ссылайтесь на меня», — при изумлении американцев: «А почему нельзя выезжать из вашей страны Тереховой и Садальскому?» (Девятисерийный телевизионный американский фильм «Петр I», где мы с Садальским утверждены на главные роли Екатерины I и Шафирова, и нас вычеркивают из списка снимающихся за три часа до его подписания в ЦК).

Как допустили такое с вами обращение? Почему не протестовали? — спрашивают нас. А как было не допустить, если мы целиком в руках тех, кто управлял нашими судьбами, как колодой карт? Работаем для народа, живем в государстве, а во власти, как они себя называют, винтиков в государственной машине.

Уходила я из театра, создала новый коллектив с разнообразнейшими возможностями, но он был при Росконцерте, где все то же самое, и я уто-

при нашем-то полном подчинении верховной власти.

«А были ли единомышленники у вас на родине?» (вопрос к А. Тарковскому из последних интервью). «Были, немного. Но знаете, если бы они взяли сразу мне помогать, я бы, может, и того, что успел там сделать, не сделал... Они не имеют в нашей стране никакого влияния...»

Цитата из другого письма мне, по тому же поводу: «...Но у меня к Вам огромная, совершенно здесь не вмещающаяся просьба: пожалуйста, подлости этого мира, да еще совершающиеся задним числом, в обратном направлении времени, не принимайте в такой опасной близости к сердцу. Названная Вами подлость, конечно, должна быть наказана, хотя бы литературно, письмом-протестом. Но прошу Вас, не волнуйтесь при этом в такой совершенной сокрушившей меня степени, есть же у сил человеческих, да еще женских, границы. Накажите ложь, но и поберегите себя. В сущности, мемуары в «Советской культуре», среди прочего, преследуют именно такую цель — вывести своих, условно говоря, оппонентов «из себя», в сторону, заканчивающуюся ин. фаритом. В сущности, последний способ унизить свою давнишнюю жертву...»

События последнего времени.

Саша Карин, актер, каскадер, заканчивает Высшие режиссерские курсы, разбился несколько дней назад в Париже на международных соревнованиях каскадеров (слава богу, не смерть). Забежал к нам перед отъездом, не о предстоящем деле говорил, а смеялся, что не могут избавиться шесть каскадеров от вдвое большего количества «сопровожающих», абсолютно не нужных им людей... Теперь мы не скоро узнаем, что там случилось... Его близкий друг Саша Андреев, совсем недавно сознательно лишивший себя жизни, один из лучших каскадеров Союза, гордый человек, не вынесший унижений... Знала я его, читала его необычные рассказы о каскадерах. У тех, кто унижал, все в полном порядке.

Я что-то не читала некрологов о них о всех в таком же объеме, как «мемуары» Ермаша... Его правая рука Б. Павленок, известный нам всем обличитель «черных дел» Тарковского, да еще и «изменника», как он называл его после отъезда, сейчас деятельно затевает при Госкино совместно с англичанами что-то насчет «Князя Серебряного»... Это были крупные фигуры, решающие судьбы, а как остальные? Живут себе припеваючи на тех же должностях или получая, удобно и комфортно, некоторые воспоминаниями делая, как «паслы» Тарковского... Пока, правда, мемуаров не печатают.

...И не слышно больше ничего об изобретателе, который, потеряв голос за десятилетия борьбы за лучший «МАЗ», чтобы люди воздухом дышали, а не выхлопными газами, изобрел трубочку, вывел ее из шеи и через трубочку эту нас, людей, спросил не о том, что же это мы с ним сделали, а — почему Форд уже пользуется его открытиями, а мы нет? Что же, мертвым вставать, чтобы бороться? Тем, которые говорили все и действовали, когда вообще никто ничего не мог сделать? Что делать будем?

Актриса Маргарита ТЕРЕХОВА
Сентябрь 1989 г.

56